

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.33>

Гилязова Ольга Сергеевна, Замощанская Анна Николаевна

Концепция смерти в философии В. Янкелевича: смерть по эту сторону смерти

Статья посвящена исследованию философии смерти В. Янкелевича, представленной им как система танатософии, структурированная по отношению к трем формам времени и трем точкам зрения (Я, Ты, Он). В рамках данной работы предпочтительное внимание уделяется первому этапу - смерти "по эту сторону смерти", что определяет необходимость обращения к проблематике способов познания смерти, ее сущности, смысла жизни и смерти, соотношения знания и власти над смертью. В ходе анализа специфики смерти рассмотрена проблема "права на смерть", однозначное решение которой В. Янкелевичем авторам исследования представляется односторонним.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/1/33.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 162-167. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философская антропология, философия культуры

Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

УДК 128+129

Дата поступления рукописи: 14.12.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.33>

Статья посвящена исследованию философии смерти В. Янкелевича, представленной им как система танатософии, структурированная по отношению к трем формам времени и трем точкам зрения (Я, Ты, Он). В рамках данной работы предпочтительное внимание уделяется первому этапу – смерти «по эту сторону смерти», что определяет необходимость обращения к проблематике способов познания смерти, ее сущности, смысла жизни и смерти, соотношения знания и власти над смертью. В ходе анализа специфики смерти рассмотрена проблема «права на смерть», однозначное решение которой В. Янкелевичем авторам исследования представляется односторонним.

Ключевые слова и фразы: В. Янкелевич; смерть; суицид; орган-препятствие; смысл жизни; тайна смерти; апофатика.

Гилязова Ольга Сергеевна, к. филос. н.

Замощанская Анна Николаевна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Olga_gilyazova@mail.ru; ankolobaeva1@gmail.com

Концепция смерти в философии В. Янкелевича: смерть по эту сторону смерти

Введение

Появление философии еще с древности связывали с попытками человека осмыслить свое место в истории и в жизни через осознание своей конечности как безвозвратности жизни и неизбежности ее окончания. Так, передавая слова приговоренного к смерти Сократа, Платон озвучивает мысль, которая будет высказываться и другими философами (Сенекой, Монтенем и др.): «...те, кто искренне привержены к философии, занимаются только одним умиранием и смертью» (Федон, 63е-64а) [7, с. 132].

Это осознание своей неизбежной и неотвратимой конечности считается привилегией и одновременно проклятием человеческого рода. Интерес к осмыслению смерти как самой загадочной, несмотря на ее естественность и универсальность, данности человеческого существования рано или поздно проявляет каждый способный к самосознанию человек. Тайна, заключенная в смерти, заставляет вглядываться в нее: то с экзистенциальным ужасом, то с детским любопытством (что там, за чертой?), то с ропотом на бессмысленность, то со смирением и надеждой, а иногда и с упованием на грядущее.

Это определяет наше внимание к взглядам известного французского философа Владимира Янкелевича, сумевшего выстроить законченную философию смерти, которая оказала существенное влияние на переоткрытие смерти как «основного вопроса философии» в XX веке. Идеи Владимира Янкелевича до сих пор не до конца оценены в России, несмотря на русские корни автора и его чуткость к русской культуре и философии. Сложность и многомерность поднятой им тематики заставляет Янкелевича обращаться к трудам Платона, Лукреция, Сенеки, Марка Аврелия, Б. Спинозы, Б. Паскаля, М. Монтеня, Р. Декарта, Г. В. Лейбница, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, С. Кьеркегора, А. Бергсона, Л. Шелера; к литературным произведениям Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Л. Андреева, В. Гюго, Э. Ионеско; сентенциям Плотина, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Блаженного Августина и др.

Мыслитель останавливает наше внимание на том, что в исследованиях о смерти доньше существует разрыв. Смерть рассматривают либо научно, как некий естественный природный факт в ряду других, либо религиозно, «преклоняя колени перед тайной смерти, пренебрегая ею как феноменом» [8, с. 13], – и в обоих случаях односторонне. «Наука знает конечность и создает свою научную мифологию конечного человека, а религия знает бесконечность и так же создает свою религиозную мифологию бессмертной души. Они принимают

смерть, смиряются с ней, как с неизбежным фактом, и строят уже всю остальную жизнь на убеждении в том, что они знают, что такое смерть. Происходит “обоготворение” смерти, оставляющее лишь дорогу “знанию” и “вере”, которая исключает собственно философский путь» [2, с. 113].

В связи с этим особенно **актуально** выглядит анализ философии смерти В. Янкелевича, который пытается преодолеть недостатки как чисто научного (небытийного), так и чисто религиозного (постбытийного) подходов. **Цель** заключается в том, чтобы проанализировать концепцию смерти В. Янкелевича, акцентируя внимание в данной статье на специфике смерти «по эту сторону смерти». Для достижения данной цели предполагается решить следующие **задачи**: рассмотреть подход Янкелевича к смерти как один из вариантов апофатической философии XX столетия; поэтапно и наглядно описать предложенную им систему танатософии (философии смерти); обрисовать достоинства и ограничения его концепции смерти. Это тем важнее (и определяет **научную новизну** нашей статьи), что творчество В. Янкелевича до сих пор не нашло должного отражения в работах отечественных авторов, за исключением его музыковедческого наследия.

Янкелевич констатирует существенную парадоксальность смерти, которая определяет специфику размышлений о ней. Смерть, по его мнению, отмечена сочетанием привычного и необыкновенного: она поразительна и в то же время обыденна. Смерть – это некая противоестественная естественность, природная сверхприродности, «*экстраординарный порядок*» [8, с. 11]. Ее противоречивость не снимается в гегелианского рода диалектическом синтезе, а обречена оставаться вечно неразрешимой и обескураживающей: познать смерть можно лишь в момент смерти, «на острие небытия», то есть за пределами мысли. Знание о смерти и ее присутствие взаимно исключают друг друга, являясь несовместимыми противоположностями. А может ли быть мысль вне мысли? Размышление о смерти не достигает смерти, поэтому постоянный лейтмотив повествования Янкелевича: «...а не обречены ли наши думы о смерти на бесплодие, не есть ли наши мысли и слова о ней – лишь болтовня, пригодная только на завуалирование вопроса о смерти?». Любая высказанная мысль своей высказанностью самоуверенна и ограничена. В. В. Варава пишет: «Философия ставит вопросы, на которые нет ответа. Это верно, поскольку только философия так ставит вопросы, что на них невозможны никакие половинчатые ответы. Именно философия приходит к высшему – к постановке *проклятых вопросов*. На проклятые вопросы нет и не может быть ответа – и в этом вся суть. И лишь у философии есть мужество выговаривать в лицо человеку и Богу проклятые вопросы, ибо философия не лукавит» [2, с. 115]. Смерть – сфера не ответов, а вопросов, поэтому неудивительно, что исследование Янкелевича пронизано именно вопросами.

Способы познания смерти

Но если невозможно помыслить смерть, то остается выход: размышлять над нею, воспользовавшись (но не ограничиваясь) двумя способами абстрактного познания смерти. Первый способ – ретроспективен, основан на удаленности прошлого. Это некрологическое знание, законсервированное в архивах, некрополях и кладбищах. Его актуализацию мы наблюдаем в рамках исследовательской традиции, называемой школой «Анналов», которая с 1929 г. занимается активным исследованием восприятия смерти в прошлые эпохи. Наиболее показательным является масштабный труд Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти», в котором анализируется динамика восприятия смерти на протяжении почти всей изученной истории человечества [1].

Второй способ – перспективен, зиждется на удаленности будущего, его открытости для изменений и связанной с этим непредсказуемостью. На данном способе познания основаны футурологические, иммертологические теории криобиологов и кибериммертологов, проекты трансгуманизма и т.п., которые с развитием современных технологий оказываются куда ближе к реализации, чем во времена Янкелевича, но этически остаются не менее проблематическими.

Оба эти способа объективны (притом, если к первому тяготеет наука, то второй отмечен вниманием религии), но предполагают принципиальную дистанцированность. Серьезность же смерти осознается только при условии отхода от абстрактного ее понимания, отчуждающего ее в отдаленную ретроспективу (смерть как событие, приключаящееся исключительно с другими) или перспективу (смерть – это то, что случится со мной в неопределенном будущем, т.е. с моим «Я» как «другим»). Между осознанием очевидности обезличенной смертности других и трагической очевидностью собственной смертностью лежит метафизическая пропасть. Когда умирают другие, мир продолжает существовать, когда же умираю я, то для меня это конец всего, устрашающее для осмысливания полное и тотальное уничтожение, которое невозможно компенсировать пониманием того, что для всех остальных моя смерть – такое же ординарное событие, как и их смерть для меня. Для преодоления этой метафизической пропасти Янкелевич предлагает реабилитировать философию пристрастности, которая, в его случае, обнаруживает влияние феноменологического и экзистенциального подходов, а также религиозной ориентации. Экзистенциализм даёт о себе знать и в крайней личностной окрашенности размышлений о смерти. Истинно значимая смерть для нас – это наша смерть, смерть нашего «Я», но знать о смерти мы можем только на основе опыта чужой смертности, собственная же смертность принципиально непознаваема.

Три способа видения Смерти

Отсюда появляется три способа видения (отношения к) Смерти:

1) смерть как Смерть в третьем лице (смерть другого как отвлеченная, обезличенная абстракция или смерть «Я» как «другого»);

2) смерть как Смерть во втором лице (здесь снимается равнодушие, присущее первому способу видения, т.к. это смерть дорогого, близкого нам человека: «...здесь неутешный оплакивает незаменимого» [8, с. 31];

это *почти* наша смерть, но «это соприкосновение, но не совпадение, это близость, но не идентичность» [Там же, с. 32]);

3) смерть как Смерть в первом лице (личная смерть – «источник тревоги»).

Личностность (в трёх способах видения) объединяется с анализом временности смерти и задаёт структуру всего исследования.

Первая часть исследования посвящена размышлению о «Смерти по эту сторону смерти», где смерть – это ещё будущее и видение смерти задано с позиции самого заинтересованного лица – с позиции Я (= смерть в первом лице). Этому будущему никогда не суждено стать прошлым для Меня, ибо в момент смерти исчезнет мое «Я». Более того, это будущее – мертворожденное, его нельзя назвать и будущим, т.к. будущим является только то, что позднее станет настоящим. Ведь «будущее – это сегодня завтрашнего дня! Но как можно назвать будущим то грядущее, которое никогда не будет настоящим?! грядущее, которое никогда не превратится в Теперь?!» [Там же, с. 358].

Именно здесь с наибольшей очевидностью во весь рост встают вопросы соотношения жизни и смерти, вопросы смысла и назначения жизни (а значит и смерти), сущности смерти.

Вторая часть называется «Смерть в самый её момент» – самый сложный момент, смерть как настоящее; но и здесь остаётся вопрос: есть ли настоящее для смерти как без-вне-время? Этот момент Я не может пережить, пока оно есть Я, и мы, пока живые (тоже дилемма: размышлять о смерти можно только с точки зрения жизни), можем судить о нём только на примере других, всего эффективнее и пронзительнее – на примере родных и близких. Конечно, насчет смерти самого дорогого существа можно рефлексировать во всех трех временах: и в будущем – так же, как с точки зрения первого лица, и в прошлом, коли Мне было суждено пережить Тебя, но именно настоящее определяет специфику философии второго лица.

Третий раздел монографии посвящён наиболее неизведанному полю – «Смерти по ту сторону смерти». Оно связано, естественно, с философией третьего лица, т.к. посмертное и ретроспективное понимание смерти возможно только по отношению к Другому (или других – по отношению ко Мне). Конечно, философия третьего лица вполне компетентна во всех трех временах, но она рассматривает их сквозь призму прошедшего, невольно придавая им флер некой вневременности. Смерть выступает как прошлое, оставляя нас недоумевать перед вопросом: что за ее пределом (если ее вообще можно считать пределом): полное ли небытие или некое бытие (в виде, например, загробной жизни). Этот вопрос совершенно закрыт от живых, т.к. даже реанимированные люди не бывали за пределами жизни. Они испытали предсмертный опыт, но не посмертный, они почти умерли, но все же еще не умерли, от этого *почти* до *уже* – тончайшая грань, легко проходимая, но лишь в одном направлении. Это смерть есть Смерть в третьем лице, но рассказать о ней некому, а может быть и нечего. Даже Раймонд Моуди, один из первых исследователей околосмертных переживаний (им предложенный термин), взаимное сходство которых у совершенно разных людей уверило его, что они действительно мельком увидели запредельное, не исключает, что этому интересубъективному консенсусу могут быть естественные (научные) объяснения: фармакологические, физиологические, неврологические, психологические [5, с. 68-73].

Смерть по эту сторону смерти. Quod и Quid смерти

Что есть смерть? Размышлять о смерти мы вынуждены с позиции живых, коли никто из умерших не вернулся оттуда, чтобы принести нам весть. Сопоставляя смерть с жизненной позитивностью, Янкелевич демонстрирует, что изначально смерть открывается как *инверсия* жизни, но феноменализм подсказывает, что такая инверсия – не более чем манихейского рода перверсия, что выводит нас к пониманию смерти в качестве некой моральной *конверсии*, т.е. «обращении жизни к собственной потаенной внутрислобности» [8, с. 59].

Смерть – это не оппозиция жизни, что указывало бы на их принадлежность к одному и тому же явлению, пусть и в качестве его крайностей. И, как обосновывает В. Янкелевич, различие между жизнью и смертью не есть, вопреки Лейбницу, вопрос лишь степени и количественных градаций. Смерть – это и не перевернутый мир, не фотографический негатив, изнанка, отпечаток жизни, не ее логическое противоречие или противоположность. Такое наивное восприятие смерти, имеющее в своей основе антропоморфические, биоморфические и логические аналогии, лишь упрощает ее суть и затуманивает ее невыразимость.

Как же преодолеть препятствие невыразимого? Европейская традиция с древности знакома с двумя техниками мышления: эвфемизмом (когда за нагромождением фраз и аллегорий скрывается громадность феномена) и апофатической инверсией¹. Янкелевич использует третий способ – «обращение невыразимого в неизреченное» [Там же, с. 61].

Смерть отличается, скорее, непредсказуемостью, нежели неопределенностью. Для прояснения своей позиции Янкелевич обращается к понятиям “quodity” / “quidity”, которые происходят от латинского “quiddita”. Они означают сущность или бытие и относятся к различию между “Quod”² (фр. “le Quod” – глагол «быть», «есть» в онтологическом смысле: выражает категорическое суждение о существовании) и “Quid” (фр. “le Quando” – «есть» как глагол-связка, требующая предикат к своему подлежащему). Для В. Янкелевича термин “quodity” связан с определенностью факта смерти, ее неизбежностью. А термин “quidity” связан с непредсказуемостью даты смерти, с обстоятельствами, при которых произойдет смерть [9]. Кажется, нет ничего более определенного,

¹ «Философская стратегия, осознающая человеческое бессилие и неспособность четко обозначить как безусловную позитивность, так и безусловную негативность, и потому прибегающая к особой процедуре – через последовательный ряд отвержений и отрицаний – привидения к предельному понятию философской рефлексии – понятию “ничто»» [4, с. 28].

² «Кводитость» в русском переводе.

нежели факт («кводдитость») смерти: это единственное несомненное будущее, до которого мы гарантированно доживем. Все остальные ожидания могут пойти прахом, но только не ожидание самой смерти. И, кажется, мало что столь же непредсказуемо, как конкретная дата наступления смерти. Так ли это? В. Янкелевич обрисовывает и другие возможности. (Не)предсказуемость смерти (Quid) и ее (не)определенность (Quod) дают четыре сочетания отношения к смерти, которые, в свою очередь, подводятся Янкелевичем под две различные интерпретации двусмысленности смерти: пессимистически-оптимистичную и оптимистически-пессимистичную [8, с. 135]. Для наглядности представим их в таблице (Таблица 1).

Таблица 1. *Quod* и *Quid* смерти¹

		Интер- претация	Смерть (Quod)	
			Точная	Неточная
Час (Quid)	Точный	пессимистически- оптимистичная	Формула отчаянья Положение приговоренного к смертной казни	
	Точный, но неизвестный		Тоска Отношение к каждому часу жизни как к последнему Жизнь – как милость, вымоленная у смерти отсрочка	
	Неточный	оптимистически- пессимистичная	Девиз активной, серьезной воли Стимул деятельной жизни «Приоткрытость» смерти как промежуточное положение между роком и предначертанием	Скука Безумная и химерическая надежда на иллюзорную вечность По Шелеру – ситуация «метафизической синектуры»

Именно асимметричная формула «Смерть точная, час неточный» освобождает нас от отчаянья человека, лишённого будущего и какой-либо перспективы, и от наивной, призрачной надежды на то, что «смерть меня забудет». Это, по мысли Янкелевича, самое адекватное отношение к смерти, дающее стимул активно действовать, пусть и не в условиях полной открытости тайны смерти (это невозможно), но и не полной закрытости.

Приоткрытость смерти напрямую связана со следующей диспропорцией: «то, что открыто познанию, закрыто для деятельности, и наоборот» [Там же, с. 151]. Янкелевич выделяет четыре возможных сочетания знания Quod и Quid смерти и власти над ними, которые для наглядности представлены нами в Таблице 2.

Таблица 2. *Знание Quod* и *Quid* смерти и *власть над Quod* и *Quid* смерти

	Смерть (Quod)		Дата (Quid)	
	Знание	Власть	Знание	Власть
Бог	+	+	+	+
Смертник	+	–	+	–
Ангелы	–	+	–	+
Активный субъект	+/- -/+	-/+ +/-	-/+ +/-	+/- -/+

Мы не боги, не ангелы и, к счастью, не смертники, поэтому можем рассчитывать только на полузнание и полувласть над Quod и Quid смерти – на соотношение, представленное в последней строке Таблицы 2. Но именно это асимметричное, альтернативное соотношение, в котором бессильное знание сочетается с незнающей силой (властью), знаменует приоткрытость смерти, а также, являясь органом-препятствием, оно стимулирует нашу активность. Ведь действенность силы – в ее ограниченности.

Воспользовавшись термином из философии А. Бергсона, В. Янкелевич рассматривает смерть в качестве «органа-препятствия» жизни. Смерть является препятствием, в сопротивлении которому человек утверждает себя, а значит, став условием существования, смерть оказывается органом. Впрочем, смерть не перестает быть препятствием того (жизни), условием чего оно является. Смерть, уничтожая жизнь, тем самым компрометирует его смысл. Неужели в бессмысленности нашего существования, когда живем мы с тем, чтобы умереть, – смысл нашей жизни? Но, одновременно, обреченность жизни на смерть обуславливает жизнеспособность жизни.

Проблема суицида и эвтаназии

Удивительно, что, уделив внимание соотношению знания и власти над Quod и Quid смерти (см. Таблицу 2), В. Янкелевич не считал нужным найти в нем место для суицида. Хотя признает ситуацию, когда человек, устав жить под дамокловым мечом смерти и не желая бояться и подчиняться ей, вырывает у нее право самому ставить точку в своем бытии. «Порой встречаются настолько абсурдные противоречия, что человек

¹ Данная и следующая таблицы составлены О. С. Гилязовой.

принимает смерть, лишь бы избавиться от нее либо через умерщвление плоти, либо через самоубийство; или постепенно, или сразу; смерть служит нам для заклинания смерти. <...> Смерть, будучи подлинной жизнью, избавляет нас от такой жизни, которая есть настоящая смерть» [Там же, с. 429]. Впрочем, следует признать, что В. Янкелевич крайне мимолётно затрагивает феномен суицида (и тот лишь в контексте страха перед старением и немощью), хотя суицид, будучи, подобно смертной казни, смертью с известным человеку сроком, как раз характеризуется властью (контролем) над Quod и Quid смерти и этим отличается от смертной казни.

А ведь самоубийство по сути – это вызов Богу, посягательство на его прерогативы, что однозначно осуждается большинством конфессий: человек не имеет право отказываться от жизни как от неотчуждаемого дара Бога. Даже отчаянье здесь не считается оправданием. Отчаянье уводит от жизни и Бога. Оно – обратная сторона гордыни человека, воображающего, что его достоинства, способности, самодостаточность спасут его от самого себя, когда его мир рушится на его глазах, а его усилий не хватает, чтобы восстановить этот мир. Отчаяние – самый страшный грех, и так считается не зря. Это омут, в который падает человек с высот самообольщения гордыней и эгоизмом. Христианская церковь последовательно боролась с суицидом, в т.ч. вводя карательные санкции для самоубийц [6, с. 66-67]. «Впрочем, разве для потенциальных самоубийц какое-то церковное отлучение или проклятие страшнее того, на что они изначально обрекают себя самим актом самоубийства? <...> Откровенно демонстрационный характер наказания очевиднее в тех случаях, когда оно производилось над трупом самоубийцы» [3, с. 456-457].

Отношение к самоубийству и его разновидности – эвтаназии, а также к другим проявлениям «права на смерть» определяется тем, что мы вкладываем в понятие «жизнь»: воспринимаем ли мы ее, вслед за христианским вероучением, как некую самодовлеющую субстанцию, ценную саму по себе, или же оцениваем ее с позиции ее акциденций, составляющих содержание т.н. «достойной жизни». В первом подходе жизнь, какой бы она ни была, полагается наивысшей ценностью, поэтому запрещено самоуправное ее прекращение как самим ее носителем (суицид), так другими людьми (убийство, смертная казнь, аборт), или другими людьми по волеизъявлению носителя (эвтаназия). Во втором подходе отходят от абсолютизации ценности и неприкосновенности любой жизни. Но есть опасность, что дифференциация на основе критериев «достойной жизни» может выродиться в деление людей на достойных/недостойных жизни.

В. Янкелевич придерживается первого подхода, который он обосновывает тем, что «безусловный императив бытия, во всей своей драматической неотложности, имеет абсолютное превосходство над гипотетическим императивом достойной человека жизни. Именно об этом говорит властная, категорическая, “аксиоматическая” очевидность инстинкта самосохранения» [8, с. 156]. И эвтаназию он рассматривает как капитуляцию.

Капитуляция – пораженческая позиция слабой воли, заявляющей, что положение безвыходное. «Непознаваемое, невозможное, неизлечимое, социальное зло, нравственный грех – вот пять плохих оправданий дурной воли» [Там же, с. 168]. Оправданий, которые основаны на готовности выдавать сущее за должное (что соответствует консервативной интерпретации тезиса Гегеля: «все действительное разумно; все разумное – действительно»), или, в истолковании В. Янкелевича, на «ленивом аргументе» «успокоительного смирения с псевдосудьбой, которую злонамеренные люди создают своими руками и которая снимает с них всякую ответственность, ибо отрицает возможности и случайности будущего» [Там же, с. 170-171].

Именно неопределенность и случайность будущего являются движущей силой человеческой волевой активности, способной направлять обудуществование, изменять облик будущего – нередко вопреки здравому смыслу. «Там, где трагический свет очевидности и удручающая определенность призывают нас к бездействию и капитуляции, безумная надежда, наперекор судьбе, делает невозможное возможным, а иррациональное – разумным: в несбыточно безумной мечте больше смысла, нежели в абсурдной истине!» [Там же, с. 153]. Именно такая безумная мечта одушевляла участников французского Сопrotивления (к числу которых принадлежал и Янкелевич) в годы Второй мировой войны, и вопреки своему безумию (а, может быть, и благодаря ей) она осуществилась.

Заключение

Апофатический способ мышления, который религиозное сознание применяет к Богу, В. Янкелевич использует для выражения и отражения непознаваемости тайны смерти и ее невыразимости. Вслед за М. Хайдеггером он ратует за ее антиномическую «приоткрытость», даруемую, по его мнению, полужнанием и полувластью над Quod и Quid смерти и являющуюся стимулом для активной деятельности.

Исследованная Янкелевичем проблема соотношения Quod и Quid смерти, их (не)познания и (не)управляемости имеет большой эвристический потенциал и в связи с проектами трансгуманизма не ограничивается тематикой суицида, смертной казни, абортов, эвтаназии, а поднимает и другие этически неоднозначные вопросы (например, сохранения самости при трансплантации головы или киборгизации мозга ради достижения цифрового бессмертия).

Но нельзя не заметить, что, избегая крайностей в характеристике смерти, крайностей, которые профанируют любое серьезное размышление, французский философ все же невольно тяготеет к негативистскому подходу к смерти, хоть и пытается от него отмежеваться. В этом отражается не столько неприятие самой смерти, сколько абсолютизация ценности жизни. Даже интерпретация смерти в качестве органа-препятствия жизни здесь не сильно спасает ситуацию. Такой подход к смерти выводит нас к проблематике страха смерти, способов его нейтрализации, к вопросу о возможностях и путях бессмертия и т.п. Это предмет нашей следующей статьи.

Список источников

1. **Арьес Ф.** Человек перед лицом смерти / пер. с фр. М.: Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
2. **Варава В. В.** Философская танатология или апофатическая философия? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2013. № 20 (145). Вып. 23. С. 112-118.
3. **Гильязова О. С.** Проблема суицида: социально-этическое измерение (на основе теории Э. Дюркгейма) // Личность и общество в современном социально-философском дискурсе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Екатеринбург, 23 января 2016 г.). Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 452-457.
4. **Круглова И. Н.** Танатология как конверсия теологического дискурса (в контексте идей В. Янкевича) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 26-30.
5. **Моуди Р. А.** Жизнь после жизни // Жизнь земная и последующая: сборник / сост. П. С. Гуревич, С. Я. Левит; пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. С. 7-78.
6. **Паперно И.** Самоубийство как культурный институт / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 256 с.
7. **Платон.** Федон // Платон. Полное собрание творений Платона: в 15-ти т. / новый пер., под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. П.: Academia, 1923. Т. 1. Евтифрон. Апология Сократа. Критон. Федон. С. 113-215.
8. **Янкевич В.** Смерть / пер. с фр. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 1999. 448 с.
9. **Thiollet M. J.-M., Lima D. M. C.** La Mort et le Soins. Autour de Vladimir Jankélévitch [Электронный ресурс] // Cad. Saude Publica. 2017. Vol. 33. № 2. URL: <http://www.scielo.br/pdf/csp/v33n2/1678-4464-csp-33-02-e00162116.pdf> (дата обращения: 12.12.2019). DOI: 10.1590/0102-311X00162116.

V. Yankelevich's Conception of Death: The Vision from the Living World

Gilyazova Ol'ga Sergeevna, Ph. D. in Philosophy

Zamoshchanskaya Anna Nikolaevna

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg

Olga_gilyazova@mail.ru; ankolobaeva1@gmail.com

The article is devoted to analysing V. Yankelevich's philosophy of death represented as thanatology structured according to three forms of time and three viewpoints (Me, You and He). The researchers' attention is focused on the first stage – “death through the eyes of the living”, which determines the necessity to examine such problems as the means to study death, death essence, the meaning of life and death, correlation of knowledge and power over death. Analysing specificity of death, the authors tackle the “right to die” problem and argue that V. Yankelevich's unambiguous approach is unilateral.

Key words and phrases: V. Yankelevich; death; suicide; organ-obstacle; meaning of life; mystery of death; apophatic theology.

УДК 1; 316.758+316.752

Дата поступления рукописи: 30.11.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.34>

Одним из современных подходов в аксиологии является концепция возникновения ценностей Х. Йоаса, которая призвана объяснить ценности в аспекте действующего субъекта. Используя герменевтический и сравнительный методы анализа, Х. Йоас исследует понимание сущности генезиса аксиосферы в различных философских и социологических концепциях и приходит к выводу, что ценности связаны с идентичностью человека и трансцендированием самости. Подход Х. Йоаса открывает перспективы изучения аномии как явления, зарождающегося в глубине личности. Она означает потерю власти личности над собой.

Ключевые слова и фразы: аномия; возникновение ценностей; Йоас; идентичность; интерсубъективность; самотрансцендирование; прагматизм.

Кузьменков Владимир Александрович, к. филос. н.

Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

имени В. В. Лукьянова

vakuzmenkov@gmail.com

Концепция возникновения ценностей Х. Йоаса и перспективы её применения для изучения аномии

Вопрос о сущности ценностей всегда имел большое значение для философии. Они приписывались трансцендентному бытию, психологическому миру человека, социальным процессам и т.д., однако в современной философии стало понятно, что полная ясность в этом вопросе вряд ли может быть достигнута в силу фундаментальных различий между подходами и сложности самого феномена ценностей. Сегодня речь может идти о перспективах изучения конкретных социальных, культурных, политических и т.д. явлений с помощью методологического инструментария аксиологии.

Одним из современных подходов в аксиологии, открывающих такие возможности, является концепция возникновения ценностей Ханса Йоаса. Х. Йоас – современный немецкий специалист по социальной